

ИСТОРИЗАЦИЯ - ЗАКОНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Автор: Н. В. РОМАНОВСКИЙ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович - доктор исторических наук, профессор зам. главного редактора журнала "Социологические исследования".

Историзация - интеграция исторического (временного, темпорального) измерения во все компоненты социологического знания [1] - с конца 1980-х стала заметным фактором развития социологии. И. Валлерстайн (президент Международной социологической ассоциации 1994 - 1998 гг.) придал этому факту значение "широкомасштабной эпистемологической реконфигурации" [2, с. 314]. Историзация стала итогом развития исторической социологии. Крейг Кэлхаун, администратор финансирования в США социальных наук, считает, что этот процесс помог "переориентировать в целом социологию", "двинуть вперед теоретический дискурс о фундаментальных переменах в обществе" [3, р. 2]. В центре этой статьи воздействие историзации на развитие теоретических аспектов социологии и оценка ее потенциала в российских условиях. К сожалению, формат статьи не позволил в полной мере развернуть справочный аппарат статьи, указать всю релевантную литературу.

Говоря об историзации, хочу подчеркнуть однотипность этого феномена с тенденциями развития отечественной социологии. У нас это понятие кажется новым. Но лишь кажется, потому что как раз в то время, когда она стала фактом на Западе, наша социология развернулась к ранее недоступным в широком масштабе эмпирическим исследованиям реального состояния современного общества. В российской социологии, без всякого сомнения, присутствует традиция тесного взаимодействия со сферой исторического знания, сформировавшаяся в дореволюционной России и в пору возрождения социологии в СССР. Нынешняя концентрация усилий российских социологов на современности - этап, который в разной мере прошли многие национальные социологии, по внутренним причинам сосредотачивавшиеся на эмпирических исследованиях современности, - чтобы затем обращаться к глубинам истории и высотам теории. Резкие повороты часто сопровождаются перегибами; не обошлось без них в последние годы. Но уже сейчас анахронизмом выглядит, например, отрицание необходимости развития в России социологической теории.

Проблемы "генеральной теории". Интеграция временного, исторического измерения в изучение социальной реальности привела к заметному росту числа специальных публикаций по проблемам социологической и социальной теории¹. Историзация представляется тем путем, на котором в последние десятилетия мировая социология получила заметный прирост своей теоретической составляющей. После 1970-х годов в социологии США, Западной Европы использование исторических данных стало нормой. Сложились методы исследования минувшего, работы с историческими источниками, методологические стратегии (генеалогическая деконструкция М. Фуко), шли институциональные подвижки. Активизировались интеракции с комплексом социальных наук в форме ряда "поворотов". Следует уточнить характеристику Дж. Ритцером в "Современных социологических теориях" [5, с. 415 - 482] интегративных процессов в социологии конца XX века; к ним можно добавить, как минимум, интеграцию временного (исторического) и пространственного измерений.

Исторической социологии пришлось отвоевывать место в социологии, где доминировал "абстрактный эмпиризм"² [6, р. 302]. Интеграция новых подходов в любое научное поле заставляет кого-то тесниться, уступать место и т.п. Историческая социология, заявив о себе не как о методе и даже не только о методологии [3, р. 2] и потребовав фундаментально размежеваться с исторической наукой, дала импульс полемике о роли теории в исторической социологии (начало 1990-х гг.). На это же время пришлась схватка с социологами-постмодернистами по поводу конца теории [7]. Были поставлены вопросы о генеральной (general) теории, о социальной и социологической теориях³. Вспомнили исходные точки "раздифференциации" (Н. Луман) науки на естественные и социальные в середине XIX века, споры о методе в немецкой философии [8, р. 846, 849]. Все это сопровождалось обсуждением состояния современной социологии и перспектив ее развития (пример - полемика И. Валлерстайна и Г. Йоаса) [9]. Дебатировались проблемы понимания и объяснения в социологии прошлого и настоящего, сравнения в социологии и в исторической социологии, вопросы причинности (каузации, мульти- и монокаузации), онтология социальных явлений и их эпистемология (понятие гносеология употребляется заметно реже), методологии познания. Дошли до проблем детерминизма, дуализма и монизма, закономерностей социального развития. "Количественники" на волне компьютеризации тащили социологию к сциентистским канонам точных наук; в нашем журнале это течение представлено статьями А. А. Давыдова [10]. Резкость столкновений⁴ требовала развернутой доказательной аргументации по существу поднимавшихся вопросов. Результатом стал заметный прирост публикаций по социологической теории.

Суммируя итоги развития исторической социологии, один из ее пионеров в США Ч. Тилли констатировал: "Историческая социология не рискует быть а-теоретичной и утонуть в деталях. Она полна теории не только исследуемых явлений, но и изучаемых

¹ Место "бытования" социологии в большинстве стран - университеты. Отсюда спрос на учебные пособия для студентов и аспирантов. Программа для заочников Лондонского университета "Социологическая теория" на 2007 - 2008 гг. рекомендует до двух десятков специальных, вышедших за последние 10 - 15 лет трудов по социальной (социологической) теории [4]. И это список не исчерпывающий.

² Полосу эмпиризма в американской социологии породили впечатляющие достижения эмпирической социологии США 1930 - 50-х гг. (Дж. Гэллап, Дж. Морено, Хоторнский эксперимент и т.п.), захватив послевоенные десятилетия и распространившись за пределами Америки.

³ Как социальная теория рассматриваются сейчас и теории социологические; не дифференцируются понятия социологическая *теория* и социологические *теории* и т.д.

⁴ Звучали фразы: "наглое и высокомерное отношение", "упрямая и крайне а-историчная одержимость марксистскими заботами"; "узкое, ... одномерное понимание людей и их мира, ... со стороны человека, чьи прежние манипуляции данными были откровенными и многочисленными"; П. Бурдьё - "уличный политпроповедник". В общем, фраза "гражданские войны в социологии 1970 - 80 гг." имеет основания [11, р. 14; 12, р. 203; 13, р. 2; 14].

исторических процессов, теории производства исторического знания. Лучше всего, чтобы применяющие ее практики знали, какие (и почему) жанры, онтологии, логику объяснения, механизмы, источники, методы и аргументы они избрали, какие правила налагает на них сделанный выбор" [15]. Связанные с историзацией подвиги охватили всю сферу социологического теоретизирования, теоретического освоения фундаментальных проблем социальной реальности.

Остановлюсь на важном для нашей социологии стимуле интереса к социологической теории. Наука для общественности (в идеале) - символ доверия, надежности, достоверности знания, как практического ориентира. В западных университетах после волн студенческой революции 1968 - 1970-х годов, когда молодежь активно шла в социологию, лидерство в симпатиях сдвигалось к экономическим наукам и социальной психологии. "Доверие к социологам стоит перед серьезными вызовами", - констатировал Ч. Тилли [16, р. 445]. Переломить эту тенденцию, вернуть доверие общественности и стремились социологи, наращивая теоретическую мощь социологии. Теоретический вес наук играет роль и в непростых взаимоотношениях ее с властью (властями) [См.: 17]. Все это отражено в недавнем обращении к сообществу социологов Э. Гидденса (в оригинале "Призыв к оружию!" [18]), в усилиях вице-президента МСА М. Буравого активизировать "публичную" функцию социологии, и т.д.

Но в какой социальной проблеме больше теории, чем в проблеме времени (пространства)? Только в загадке человека. На этом фоне историзация социологии, проблематика времени; связи прошлого, настоящего и будущего⁵ стали подобием открытия - очевидного. Социологи стали писать о времени [20] и пространстве [21], анализировать структуру времени модерна, ускорение движения времени [22]. Историзация социологического знания и практик, поместив человека в иное время и в иное пространство, поставила социологов перед необходимостью теоретически объяснять "другие" образы мыслей, сознания и поведения, иную культуру (культурный поворот), - чтобы понимать и объяснять прошлое и настоящее социальной сферы. Стало ясно, к тому же, что время понимают не везде так, как в Европе [23].

Читатель, знакомый с историей отечественной социологии, помнит, что многое из отмеченного выше было в истории нашей социологической мысли. Время было проблемой для многих исследователей; о социальной теории писали ведущие (по положению в иерархии советского истмата) ученые А. М. Румянцев [24], Г. П. Францев [25]. Некоторые положения этих работ, например, мысль Румянцева о том, что в отрыве от эмпирических данных социология перестает быть наукой, становясь идеологией [24, с. 323], и сейчас не утратили значения. Не утрачены и положительные связи (советского времени) социологии с философским знанием. За интеграцию временной составляющей стратегий социологического исследования ратует В. А. Ядов [26, с. 32 - 43]. Перелом в этом плане у нас - вопрос времени и усилий.

К настоящему времени в рамках историзации подвиги частично завершены, часть поставленных вопросов обсуждается. Налицо дифференциация в понимании и определениях социологической теории. Подход П. Штомпки [27, N 10, с. 67 - 71] не единственный. Дж. Александер выделяет теории а) конкретных объектов (феноменов), б) предполагающие, в) герменевтические [28]. Социальная теория, говорится в он-лайн "Википедии" (июнь 2008 г.), это "набор социальных теорий, не отделяемых четко от социологической теории"; отмечено лишь различие теории социальной и теорий в точных науках. Большинство участников дебатов социальную теорию (-ые теории) не очень четко отграничивают от социологических, которые подаются как сумма парадигм. Норвежский социолог Л. Мьёсет [29, р. 2] определяет теорию как "накопленное знание, организованное умом человека с целью использования для объяснения". "Генеральные теории" социальных наук тоже получили определения: "пара-

⁵ Описываемый процесс активизировал попытки социологического прогнозирования; говорили об исторической социологии будущего [19].

дигмы, которые могут вести к программам исследований. Они состоят из эксплицитных посылок об отношениях каузальности, механизмах, абстрактных моделях и условиях делимитации масштаба этих посылок"; "постулаты об онтологически исходных принципах, построенные вокруг конкретных агентов и механизмов" [30, р. 480]. "Идеальным понятием теории" Мьёсет считает "объяснение посредством каузальных законов" [29, р. 14]. Конкретизируя, автор называет минимум пять "генеральных" теорий - функционализм, теория рационального выбора, теория силы-власти, неодадарвинистская теория и культуральная (cultural) теория. Свой набор таких же теорий предлагают Дж. Ритцер, другие авторы, читаемые в зарубежных университетах курсы, программы которых изобилуют в интернете. Главный критерий статуса парадигмы при этом - ее "современность", чему не откажешь в практицизме.

В дебатах среди философских проблем науки (детерминизм, материализм, монизм и т.п.) рассматриваются онтологические и эпистемологические аспекты социологических (не отделенных жестко, повторю, от социальных) теорий; в российской социологии это называют предметом нашей науки. Ч. Тилли, например, к онтологии отнес [6, р. 302] сознание индивида как принцип всего социального - действия, процессов и т.п. В эпистемологии он акцентировал интерпретации сознания и то, чем сознание документируется. В ряде выступлений Тилли предметом исследований называет отношенческий аспект социальных процессов и феноменов [См. 15]. Онтологически ошибочно, по его словам, считать автономными единицами государства, общества, культуры [31, р. 1]. Обычно за онтологией следует обсуждение методологии получения знания. Выразилось мнение [13], что дальнейшее обсуждение эпистемологических проблем сосредоточится на применении в полевых исследованиях эффективной теоретической модели (парадигмы); в онтологии спорить будут об общих теориях, используемых в практике. Можно морщить лоб по поводу такого релятивизма. Но: 1. Практика (данные исследований) считается критерием. 2. Социология - это наука, прежде всего, ведущая реальные исследования, чему и учат студентов. Такая позиция заслуживает уважения.

В рамках историзации разработана социология процессов, прежде всего, Норбертом Элиасом [32]. В центр ее Элиас поставил изучение отношений, динамики (не статики), базовых проблем человека [33]; допускается возвратная направленность процессов, например, децивилизация, что доказал германский фашизм. Процесс, считает Элиас, не планируется, а возникает из отношений, из взаимозависимостей. По словам Тилли, анализ процессов позволяет надежно встраивать человеческие действия во время и пространство [16]. Изучая процессы крупномасштабных социальных перемен и коллективных действий в истории Европы, он отвергал механистические интерпретации и подходы [34], как непригодные для объяснения; здесь, резюмировал он, место не механике Ньютона, а современной биологии [здесь же]. Социальные механизмы, которые он признавал, это [35] посредничество, подражание, диффузия, атрибуция (brokerage, emulation, diffusion, attribution). Естественную часть изучения процессов образуют события (каталогизация событий - "фирменный" метод Ч. Тилли), их последовательности, чередования, влияния переменных на конечные итоги и на теоретические модели.

Оживленные дебаты зарубежных социологов в течение 20 лет идут по проблеме законов (covering laws) и закономерностей развития общества. Это не должно вызывать недоумения с учетом предшествующего господства в США эмпиризма, а в среде ориентированных на КПСС марксистских социологов - веры в законы социализма. Сопровождающие историзацию дебаты шли при активном участии ученых, знакомых с марксистским (точнее - советским) подходом к этой проблеме; кроме влияний гегельянства и марксизма данный факт связан с попытками ввести в социальные науки критерии наук естественных. В итоге, большинство склоняется к признанию таких версий закономерностей как инвариантные модели, повторяющиеся образцы (patterns), регулярности [36].

Изучение социологами прошлого заметно продвинуло интеграцию микро- и макроуровневой социологического анализа и теоретизирования. Уже к середине 1980-х гг. социологическая наука получила ряд удачных исследований социальных феноменов высокого уровня, что дало повод Р. Коллинзу говорить о золотом веке исторической макросоциологии [37]. Но пришел черед и микроуровня: парадигмы символического интеракционизма, этнометодологии, феноменологической социологии создали возможность глубже проникать в жизненный мир конкретного индивида во времени и пространстве ("индивидуация"), выявлять на микроуровне неповторимые (парадоксальные?), но социально и исторически значимые образцы характера, темперамента, опыта и т.п. Пример: смысл, который в XVIII, скажем, веке люди вкладывали в понятие, нам, возможно, представляющееся однозначным, тогда был иным. Интерактивная микросоциология И. Гофмана ориентировала социологов на личности, их взаимодействия, на процессы в контекстах времени, культуры, места. Исследования контекстов, знаний, культуры индивидов, символов, практик позволяют выявлять то, что создает индивидуальности, формирует события, процессы прошлого и настоящего, ориентированы на поиск вкладываемых смыслов, индивидуальных и неповторимых по мерам и формам. "Индивидуации" такого рода оказались ценной новацией социального познания. В свою очередь, успехи исторической микросоциологии демонстрировали ключевое значение культуры, содействуя популярности "культуральной" социологии Дж. Александера как еще одной парадигмы социологии (и качественного признака современного неофункционализма). Приятно, что в данном контексте признание ученых получили труды и открытия российского философа и литературоведа М. М. Бахтина (1895 - 1975).

Принцип анализа явлений во времени и пространстве оказался эффективен и в применении к самой социологии. В пору господства "абстрактного эмпиризма" важность классики, истории социологии ставилась под сомнение [38, р. 12]. Тилли вспоминал: "Джордж Хоманс прорычал: "Кому интересно, что говорил старик Дюркгейм?" [39, р. 1]. Сейчас анализ трудов предшественников, опора на классиков (каким бы субъективным ни был их отбор) - правило для тех, кто работает в социологической теории. В ходе создания собственных теорий Парсонс, Мертон, Гидденс, Коллинз, Александер, Луман и др. писали труды о наследии классиков. Дж. Александер, помимо книг о социологии второй половины XX в. и об отдельных теоретиках, выпустил 8 томов хрестоматии по "социологической традиции" в США и Европе, четырехтомную работу о теоретической логике в социологии, составленную из классических трудов. Естественно, что обращение к истории социологии не обошлось без оценок, симпатий и антипатий, споров и пр. [40], - сама литература по этим проблемам стала предметом анализа [41]. Но главное не в том, кто основатель социологии или кто достоин считаться классиком, хотя и это важно для объема обязательной к изучению студентами литературы. Создана норма для ученых - опора на исследовательские традиции, на прошлое дисциплины для ее развития [27, с. 65 - 66].

Сформировался - прежде вялый - интерес к истории социологии в США [42]. В начале нового тысячелетия, в связи со столетием американской социологической ассоциации, вышла коллективная монография под редакцией К. Кэлхауна [43]. Интерес к классике рос и за пределами США и Европы. Здесь иногда знание (и критика) классики служит утверждением, что европоцентризм и западный "культурализм" социологического знания препятствуют развитию науки в ранее отсталых странах и межцивилизационным процессам. Такого рода критика в последние годы коснулась не только И. Валлерстайна или С. Хантингтона, но и М. Вебера, Гегеля, Маркса, Ясперса и т.д. [23, 44]. Трудно сказать, если ли здесь повод для беспокойства, но констатация данного факта уместна.

На этом фоне отечественная социология идет в ногу с мировой. Среди ее традиций - традиции отслеживания развития нашей научной дисциплины, созданные М. Ковалевским, Н. Кареевым, П. Сорокиным и др. У нас не только обилие учебных текстов. Есть и вдумчивый анализ истории социологии ряда стран, регионов, отраслей социо-

логического знания. Уровень анализа достаточно высок, особенно у авторов, имеющих доступ к широкому кругу текстов социологической классики на языках оригиналов. Эти труды замечены мировой социологической общественностью. Автор известных книг по истории социологии, по социологии классической В. П. Култыгин входит в руководство секции МСА по истории и теории социологии.

Историзация и специальные вопросы социологической теории. Историзация заметно расширила и без того широкий тематический диапазон исследований, выполняемых социологами. Их круг охватывает не только мир как систему, но и социализацию советских пионеров и октябрят, пытки, войны в новое время, пространство города, империи, культуру бизнеса и корпораций, поколения [46]. Культурная, психологическая, социальная травма - одна из таких проблем. По поводу их М. Кастельс замечает: "Все, кто как я, были первым поколением выросших без войны, знает, сколь решающим стал опыт войны для наших отцов, насколько детство и жизнь семьи были заполнены ранами и неуходящей памятью о годах, иногда месяцах, все еще формирующих личность людей навсегда" [47, V. 1, p. 469]. Эти слова полезно помнить тем, кто в далеком и недалеком заграничьи морщат сейчас лоб по поводу поведения российских политиков в вопросах безопасности страны. Позитивное влияние обращения к тематике истории присутствует и в современной отечественной социологии. Здесь тоже присутствует "травма" событий 1990-х - феномен, исследование и концептуализация которого только начинаются.

Отечественная социология многонациональной России в плане исследовательской тематики имеет ряд преимуществ. Так, в работах современных отечественных этносоциологов, в первую очередь, Ю. В. Арутюняна и Л. М. Дробижевой тесные связи современного материала с основательным историческим анализом позволяют выходить на существенные уточнения и дополнения ряда теоретических представлений. Этот материал будет интегрироваться в теоретические и практические результаты последующих исследований. И это не единственная специальная социологическая дисциплина, где ведутся работы в историко-социологическом ключе. К ним можно добавить сельскую социологию, социологию войны, историческую демографию, изучение сознания людей в пору перемен и т.д.

Среди других значимых результатов историзации - дополнительная возможность предметно тестировать возникающие в социологии концепции и парадигмы. Исторически обоснованную критику пришлось испытать, например, понятию агентство [48, p. 1], неodarвинизму, теории социального обмена, зависимости от колеи (path) и др. Разбирая теорию "зависимости от колеи"⁶ с позиций исторической социологии, Дж. Махони обратил внимание на расплывчатость этого понятия и предложил свое: "зависимость от колеи характеризует именно те исторические последовательности событий, в которых контингентные события приводят в движение паттерны или цепи событий с детерминистскими качествами" [30, p. 507]. Историзация социологии заметно оживила западную социологию международных отношений. Действительно, взгляд в историю показал много интересного. То, что зовется *международными* отношениями, никак не связано с отношениями между народами, признанные границы между государствами представляются иррациональными и т.п. [49].

Особенно резкая критика выпала на долю теории рационального выбора. Прав В. П. Култыгин, ограничив ареал ее популярности Соединенными Штатами, Скандинавией и Японией [50, с. 27], в отношении которых еще можно говорить о "рациональности выбора". Споры о ней шли лет десять [51]; сложившийся полемический материал издан отдельной книгой [52]. Дж. Александер писал о шатких основаниях, противоречиях и допущениях этой теории [12]. Для многих решительно неприемлемо само представление о современном обществе как рациональном продукте выбора граждан,

⁶ Некоторые ее версии постулируют неизбежность экстенсивного, имитационного типа развития для России.

индивидов. История нашей страны такие сомнения подтверждает. От "рационального выбора" лета 1941-го до сих пор веет могильным холодом; судьбы России 1990-х трудно понимать как выбор, тем более, рациональный.

Эпизод с этой теорией - один из примеров научной критики социологами мифов и манипуляции (со стороны институтов власти) якобы достоверными (научными) данными. Они и к нам проникали и проникают: глобализация и неолиберальная экономика (современная теология⁷) [13, р. 2]. Итальянский социолог Э. Траверсо резко опровергает современную критику в адрес интеллигентов-антифашистов, подчеркивает недопустимость забвения разницы между фашизмом и антифашизмом [53, р. 4, 7]. Британский социолог (исследователь силовых институтов государства) М. Манн клеймил этнические чистки ("мрачная сторона демократии") [54], лицемерное замалчивание гуманитарной военной интервенции вьетнамцев в Кампучию, положившей конец полпотовскому геноциду (и о лицемерии Запада в других случаях геноцида), манипуляции данными об Ираке и Чечне. Ч. Тилли показал научную некорректность понятий терроризма и террористов в выступлениях государственного секретаря и президента США [55].

Отдельного разговора заслуживает концептуализация современной эпохи - важнейший ориентир социального теоретизирования. Привязка к характеристикам времени присутствовала в возникновении всех известных социологических парадигм. И в наши дни исследователи конструируют свои теории, опираясь на характеристики современности, что можно проиллюстрировать положениями таких работ как [56]. К тому же вопрос о характере современной эпохи - важнейший ориентир политиков. То, что у нас после формул КПСС здесь не заметно самостоятельной мысли, - задача "диагноза времени", где веское слово принадлежит науке.

С 1960-х годов, в частности, не утихают споры о "модерне" и "модернизации", в частности. После Парсонса вариации на тему "модерна" - поздний, второй, рефлексивный, множественный и т.п. - отражали резко критическое отношение к ядру теории "модернизации". Это, правда, не помешало после краха восточно-европейских коммунистических режимов навязать этому региону "вашингтонский консенсус" о диктуемых "модернизацией" преобразованиях. Читатели нашего журнала помнят, может быть, публиковавшиеся в журнале аргументы как сторонников, так и противников этой идеи, полемику о посткоммунистической "транзиции" [57], построенных на ней. "Транзитологию" В. Путин обрушил. Но остался вопрос: куда идем после советского социализма?

Ученые (при активном участии специалистов исторической социологии) не прекратили поиск "социального строя, который фундаментально отличен от нашего английского термина, пытающегося приравнять социологию к "модерну", поиск путей "переделки модерна" [58], ... "создания теории, менее ограниченной и предвзятой, чем теория модернизации, поместив специфическую траекторию Европы в глобальный контекст" [59]. Это важнейший "публичный" аспект историзации. Он равнозначен пути к иному миру. Отторжение странами третьего мира принципов общества "модерна" (ряд публикаций нашего журнала отражает этот тренд), выступления против укоренившихся традиций европоцентризма (точнее - гегемонии США) и культурного редукционизма свидетельства поиска многими государствами собственного пути.

В заключение - два итоговых соображения.

Что касается отечественной социологии, показанные выше в "латентном", но принципиально аналогичном виде процессы в ней идут. Проблема пока в оправданности ориентации социологов-исследователей и теоретиков на эмпирическое измерение современной социальной реальности. Но все большее число социологов интегрирует микро- и макроуровни анализа, исследует "индивидуацию" в самых разных, часто па-

⁷ "Сегодня в Вашингтоне нужны политические операторы со степенями в религии (магистр богословия), или в PhD по economics" [13, р. 3].

радоксальных проявлениях, опираясь и на данные прошлого, на представления людей о нем. Анализ обширных баз исторических данных позволил, например, В. В. Волкову и А. В. Жаворонкову [60] выйти на уровень теоретических обобщений. Несомненно понимание важности данной проблематики со стороны финансирующих социологические исследования фондов. Историческую социологию преподают в ряде университетов страны. Вклад в анализируемую проблематику вносит журнал "Социологические исследования". Что же касается традиций, есть многообещающий пример Екатерины Великой: "Для получения представления о нуждах и желаниях населения она весьма искусно использовала указы депутатам в законодательную комиссию 1767 г. По ее распоряжению все указы были самым тщательным образом обработаны и содержащиеся в них мнения систематизированы с таким совершенством, которого в настоящее время не всегда достигают социологи, специализирующиеся на изучении общественного мнения" [61, т. 2, с. 252]. Ее пример - другим наука.

Обсуждение социологами научных, теоретических проблем, их освоение и усвоение в рамках историзации говорит об известной молодости нашей науки, о периоде ее "детских болезней" - о времени забыли! Но что впереди? "Ликвидаторские" сомнения в научности, аналогии между социологией и художественной литературой [62, р. 147], основанные на известном релятивизме и дискурсивности современной социологии, едва ли перспективны. Э. Гидденс и И. Валлерстайн полагают, что будущее за единой социальной наукой. Этой идее близки призывы развивать "трансдисциплинарные исследования" [63], расстаться со стандартом научных дисциплин. Против такого подхода выступает М. Буравой, считающий, что в современных условиях он приведет к торжеству "экономике". В германской социологии дебатруется перспектива формулы М. Вебера - "историческая социальная наука". Дж. Ритцер, по-видимому, ставку делает на метатеорию. Майкл Мэнн считает социологию "королевой социальных наук", которой суждено их все объединить [65]. Перспективы молодой науки вполне можно связать с реализацией ее потенциала. И, конечно же, преобразования в современной социологии, вызванные, как, надеюсь, мне удалось показать, интеграцией в нее временного измерения, подтверждают, что перед нами действительно закономерность развития нашей науки. Она прокладывает себе путь в теоретической составляющей отечественной социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Романовский Н. В. Историзация социологии - понятие и сущность // Вестник РГГУ. Серия "Социология". 2008. N 8.
2. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М.: Логос, 2003.
3. Calhoun C. The rise and domestication of historical sociology <http://www.ssrc.org/staff/calnoun/publications/rise-and-domestication-of-historical-sociology.pdf> 20.6.8
4. http://www.londonexternal.ac.uk/current_students/programme_resources/lse-pdf/readlistg07/53socialtheo-rv.pdf
5. Ритцер Дж. Современные социологические теории. М., СПб и др.: Питер, 2002.
6. Tilly Ch. Three visions of history and theory // History and Theory. 2007. May, Vol. 46. P. 299 - 307.
7. Quadagno G, Knapp S. Have historical sociologists forsaken theory? // Sociological methods and research. 1992. V. 20. N 4; Seidman S. The end of sociological theory // Sociological Theory. 1991. V. 9. N 2; Alexander J. Sociological theory and the claim to reason: why the end is not in sight // Там же. P. 147 - 153.
8. Calhoun C. Explanation in HS: Narrative, General Theory, and Historically / Specific Theory // Amer. J. of Sociology. 1998. V. 104. N3.
9. См.: Социол. исслед. 2005. N 3. С. 3 - 14.
10. Давыдов А. Л. Компьютационная теория социальных систем // Социол. исслед. 2005. N 6; *его же*. Математическая социология: обзор зарубежного опыта // Социол. исслед. 2008. N 4; и др.
11. Deflem M. Useless Tilly (et al.): Teaching comparative-historical sociology wisely // Trajectories. Newsletter of the ASA Comparative and historical sociology section. 2007. V. 19 (1). P. 14 (online copy).
12. Alexander J. Shaky foundations. The presuppositions and internal contradictions of James Coleman's Foundations of Social Theory // Theory and Society. 1992. V. 21. N 2. P. 203.

13. Gorski P. From the Chair: Comparative-Historical Sociology as an Identity // *Trajectories*. Fall 2007. V. 19. N 1. P. 2.
14. Kolner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Dezember 2003. Jg. 65. N 4. S. 819.
15. Tilly Ch. Lullaby, Chorale, or Hurdy-Gurdy Tune? Afterword to R. Gould, ed., *The Rational-Choice Controversy in Historical Sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
16. Tilly Ch. Reasons why // *Sociological Theory*. 2004. September. N 3.
17. Фливерберг Б. Рациональность и власть: еще раз о кейс-стади // *Социол. исслед.* 2007, N 1; Harms G. The interface between social research and policy making // *European Sociological Rev.* 2008. N 1. P. 257 - 265.
18. Гидденс Э. К социологическому сообществу! // *Социол. исслед.* 2007. N 9. С. 5.
19. Shaw M. The historical sociology of the future // *Review of International Political Economy*. 1998. V. 5. N 2.
20. Abbott A. Time matters: On theory and Method. Chicago: Univ. of Chicago press, 2001; Aminzade R. Historical sociology and time // *Sociological Methods and Research*. 1992. V. 20. N 4. P. 456 - 480.
21. Läßle D. Essay zum Raum / Stadt und Raum. Soziologische Analyse. Hg. von Hausermann L. u. a. Pfaffenweiler, 1991. S. 157 - 207; Low M. Raumsoziologie. Fr. a. M., 2001; Schroer M. Raume, Orte, Grenzen. Auf dem Weg zu einer Soziologie des Raums. Fr. a. M., 2006; Richardson T., Jensen O. Linking discourse and space: towards a cultural sociology of space in analyzing spatial policy discourse // *Urban Studies*. 2003. V. 40. N 1.
22. Brose H. G. Towards a culture of non-simultaneity? <http://soziologie.uni-duisburg.de/personen/Brose/proofintro.pdf>. Hartmut R. Beschleunigung. Die Veränderung der Zeitstruktur in der Moderne. FR. a. M: Suhrkamp, 2005; Boschen S., Weis K. Die Gegenwart der Zukunft. Perspektiven zeitkritischer Wissenspolitik. Berlin, 2006.
23. Acikel F. A Critique of Occidental Geist: Embedded Historical Culturalism in the works of Hegel, Weber and Huntington // *J. of Historical Sociology*. 2006. V. 19. N 1. P. 60 - 83.
24. Румянцев А. М. Проблемы современной науки об обществе. М.: Наука, 1969.
25. Францев Г. П. Исторические пути социальной мысли. М.: Мысль, 1964.
26. Штомпка П. Формирование социологического воображения. Значение теории // *Социол. исслед.* 2005. N 10.
27. Alexander J. Theories of sociology // *Routledge Encyclopaedia of Philosophy*. V. 10. L. Routledge. P. 2 - 8.
28. Mjøset L. An essay on the foundations of comparative historical social science <http://www.arena.uio.no/news/publications/wp0222htm> 29.05.2006
29. Kiser E., Hechter M. The role of general theory in comparative-historical sociology // *Amer. J. of Sociology*. 1991. N 97. N1. P. 1 - 30.
30. Mahoney J. Revisiting general theory in historical sociology // *Social Forces*. 2004. December. V. 83. N 2. P. 459 - 489.
31. Bermis E. S. Introductory essay to Tilly's writings on methodology - http://professor-murmann.info/index.php/weblog/fullarticle_tilly/21/
32. Elias N. *The Civilization Process*. V. I. *The History of Manners*. Oxford: Blackwell, 1978. V. II. *Power and Civility*. Oxford: Blackwell, 1982 (Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Тт. 1 - 2. М. - СПб.: Университетская книга, 2001).
33. van Krieken R. Norbert Elias and Process Sociology // *Handbook of Social Theory*. Ed. Ritzer G., Smart B. L.: Sage, 2001. P. 353 - 367.
34. Tilly Ch. Observations of social processes and their formal representation // *Sociological Theory*. 2004. December V. 22. N 4. P. 595 - 602; Tilly Ch. Rhetoric, social history, and contentious politics: reply to critics // *International Review of Social History*. V. 49. N 1. 2004. P. 134; Tilly Ch. Mechanisms in political processes // *Annual review of Political Sciences*. 2001. V. 4. P. 21 - 41; Bermis E.S. Introductory essay to Tilly's writings on methodology; etc.
35. Tilly Ch. Historical analysis of political processes // Turner J. (ed.) *Handbook of sociological theory*. NY, 2001. P. 567 - 588.
36. Skocpol T., Somers M. The uses of comparative history in macro-social inquiry // *Comparative Studies in Society and History*. 1980. V. 22. N 2. P. 174 - 197; Bermis E. S. Op. cit, p. 4; Tilly Ch. Rhetoric ... // *International Review of Social History*. 2004. V. 49. N 1. P. 134.
37. Коллинз П. Золотой век исторической макросоциологии // *Время мира*. Вып. 1, 2. Новосибирск, 2000, 2001.
38. Alexander J. Introduction. Differentiation Theory: Problems and Prospects // *Differentiation Theory and Social Change. Comparative and Historical Perspectives / Eds J. Alexander, P. Colomy*. NY-Oxford: Columbia Univ. Press, 1990. P. 12.
39. Tilly Ch. Why Read Classics // <http://www.sociology.columbia.edu/fac-bios/tilly/faculty.html> 19 apr.2008 p. 1.
40. Alexander J. The centrality of the classics // Giddens A., Turner J. eds. *Social Theory Today*. Cambridge, UK: Polity press, 1987; Connel R. Why is classical theory classical // *Am. J. of Sociology*. 1997. V. 102. N 6. P. 1511 - 1537. Hoecker-Drysdale S. Is the history of sociology important? // *Timelines*. ASA section of the history of sociology e-newsletter. 2004. N 1.

-
41. *Baehr P.* Founders, Classics, Canons. Modern Disputes over Origins and Appraisal of Sociological Heritage. New Brunswick, 2002.
42. *Hamilton R.* American sociology rewrites its history // *Sociological Theory*. 2003, September. V. 21. N 3. P. 281 - 297.
43. *Sociology in America. A History.* *Calhoun C.* ed. Chicago: Chicago univ. press, 2006.
44. *Turner S. P.* Weber, the Chinese legal system, and Marsh's critique // *Comparative and Historical Sociology*. 2002. V. 14. N 2; *Kafkazli S.* Existentialism in sociology and Jasperian Philosophy <http://www.goo-gle.com/search?g:=cache:qGZEiYVH4cAJ:iranianstudies.org/Journal/v6nla7.pdf>; etc.
45. *Einolf Ch.* The fall and rise of torture: a comparative and historical analysis // *Sociological Theory*. 2007. V. 25. N 2; *Wimmer A., Min B.* From empire to nation-state: explaining wars in the modern world, 1816 - 2001 // *Am. Sociol. Rev.* 2006. V. 71. N5. December, pp. 867 - 897; *Misa T. J.* Toward an Historical Sociology of Business Culture//*Business and Economic History*. 1996 Fall. V. 25. N 1; etc.
46. *Turmel A.* Towards a historical sociology of developmental thinking: the case of generation // *Paedagogica Historica*. 2004. August. V. 40. N 4.
47. *Castells M.* The rise of network society. V. 1. Oxford, 1996.
48. *Alexander J.* Some remarks on "agency" in recent sociological theory // *Perspectives. The Theory section newsletter. The ASA*. V. 15. N 1. 1992.
49. *Hobson J.* The 'second wave' of Weberian historical sociology. The historical sociology of the state and the state of historical sociology in international relations // *Review of International Political Economy*. 1998. April. V. 5. N 2; *Lawson G.* The promise of historical sociology in international relations // *International Studies Review*. 2006. V. 8. N 3; etc.
50. *Культыгин В. П.* Теория рационального выбора - возникновение и современное состояние // *Социол. исслед.* 2004. N 1.
51. *Hechter M., Kanazawa S.* Sociological Rational choice theory // *Annual Review of Sociology*. 1997, V. 23, p. 191 - 214; *de Swaan A.* Rational choice as process: the uses of formal theory for historical sociology // *Netherlands J. of Social Sciences*. 1996. V. 32. N 1; *Gouldsblom J.* Rational and other choices. Comments on rational choice model // *idem*. P. 16 - 25.
52. *The Rational Choice Controversy in Historical Sociology / Ed by R. Gould.* Chicago: Chicago univ. press, 2005.
53. *Traverso E.* Intellectuals and anti-fascism: For a critical historization // *New Politics*. 2004. V. 9. N 4.
54. *Mann M.* The dark side of democracy: explaining ethnic cleansing. Cambridge, 2005; <http://globetrotter.berkeley.edu/people4/Mann/mann-con0html>
55. *Tilly Ch.* Terrorism, terrorists // *Sociological Theory*. March 2004. V. 22. N 1.
56. *Григорьев С. И.* Смена научных картин мира и социология // *Социол. исслед.* 2000. N 9; *Жуков В. И.* Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. В 3 т. М.: РГСУ, 2007; *Тоценко Ж. Т.* Парадоксальный человек. М.: Юнити-Дана, 2008 (Главы 1 - 3); *Кравченко С. А.* Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М.: МГИМО, 2007; и др.
57. *Цанф В.* Теория модернизации и различие путей общественного развития // *Социолог, исслед.* 1998. N 8; *Мюллер К., Пикель А.* Смена парадигм посткоммунистической трансформации // Там же. 2002. N 9.
58. *Remaking Modernity. Politics, History, and Sociology.* Ed. by *Adams J., Clemens E. S., Orloff A. S.* Durham and L.: Duke univ. press, 2005; *Knumobl W.* The never-ending story of modernization theory // *Handbook of Historical Sociology. Delanty G" Isin F.* (eds). L.: Sage, 2004; etc.
59. *Wittrock B.* Social theory and global history: the three cultural crystallizations // *Thesis Eleven*. 2001. V. 65. N1. P. 27 - 50.
60. *Жаворонков А. В.* Российское общество: потребление, коммуникация и принятие решений. 1967-2004 годы. М.: Вершина, 2007; *Волков В. В.* Силовое предпринимательство. М.: Летний сад, 2002.
61. *Миронов Б. Н.* Социальная истории России периода империи (XVIII - начало XX в.). В 2-х томах. СПб.: Д. Буланин. 1999. Т. 2.
62. *Alexander J.* Sociological theory and the claim to reason: why the end is not in sight // *Sociological Theory*. V. 9, 1991, N 2, fall; *Lepenies W.* Between Literature and Science: The Rise of Sociology. CUP, 1984.
63. *Sayer A.* Long Live Postdisciplinary Studies, <http://www.comp.lancs.ac.uk/sociology/soc025as.html>; *Scott AJ.* Fallacies in the critique of disciplinary sociology // *Sociological research online*. 2005, v. 10, Issue 3 <http://www.socre-online.org.uk/10/3/scott.html>
64. <http://globetrotter.berkeley.edu/people4/Mann/mann-con0html>
- При поддержке РГНФ (грант N 06 - 03 - 00108а).*